

Валентина Аксенова
Святой перевал

Приключенческая повесть

Валентина Аксенова

Святой перевал

«Издательские решения»

2015

Аксенова В.

Святой перевал / В. Аксенова — «Издательские решения», 2015

Главные герои повести – молодые люди, члены съемочной группы, участники восхождения на одну из вершин Гималаев. Перебираясь через Святой перевал, они становятся самыми активными участниками драмы, разыгравшейся у подножия монастыря Трёх монахов. Череда странных событий заставит их ехать в Кашмир, в один из буддистских монастырей. И только оказавшись в очередной раз на Святом перевале и преодолев немислимые препятствия, открывают они, наконец, сакральную тайну монастыря Трёх монахов.

© Аксенова В., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Святой перевал
Приключенческая повесть
Валентина Аксенова

«Перед Зарёю ночь особенно темна»
Н. К. Рерих, «Другу»

- © Валентина Аксенова, 2015
- © Валентина Аксенова, дизайн обложки, 2015
- © Андрей Аксенов, фотографии, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава 1

Ночь над Святым перевалом

Солнце, не торопясь, двигалось к западу. Ещё несколько часов, и оно коснется своим раскаленным диском вершин гор, спрячется за них, оставив этот мир на расправу темноте, а затем каким-то непостижимым образом вынырнет наутро с противоположной стороны, согрев своими теплыми лучами продрогшую от холода и ночных кошмаров землю.

Дорога петляла из стороны в сторону, пытаясь пробить себе путь среди замысловатых складок местности. Взбегала вверх и серпантинном уходила вниз. Но упрямо вела нас на север, в штат Химачал-Прадеш. Сначала вдоль живописных зеленых холмов, шикарных, утопающих в тени кипарисов вилл, огромных пшеничных полей, плантаций чая и сахарного тростника, необозримых садов с диковинными фруктами. Потом среди покрытых густыми лесами гор. Появились ели и кедры. Всё реже встречались копошащиеся на своих крохотных наделах крестьяне, небольшие стада пасущихся на склонах овец. Обетованная земля постепенно уплывала назад. Впереди, во всю ширь горизонта на фоне зелено-коричневых хребтов предгорья сверкали на солнце гордые, неприступные вершины, одетые в белоснежные шапки ледников.

Шофер не ленился жать на газ. До Святого перевала оставалось около часа езды. Затем опасный подъем по горной дороге, не менее опасный спуск, еще около часа езды, и конечная цель поездки – базовый лагерь альпинистов, распластавший как бабочка свои пестрые крылья-палатки среди величественных Гималайских гор. Там нас ждали ребята из группы Сергея Аверьянова, замахнувшие на одну из красивейших вершин северной Индии. Наша съемочная группа должна была запечатлеть это героическое восхождение. На беду, как только мы расположились в лагере, одному из альпинистов, Диме Сафронову, стало плохо. Обострение старой травмы. Пришлось срочно везти его в аэропорт в Дели и отправлять домой, в Москву.

На обратном пути в базовый лагерь говорили мало. Все смешалось в голове: тревога за товарища, не совсем удачное начало экспедиции, многочасовая изнуряющая тряска в машине среди бесконечных гор.

Машина, небольшой старенький открытый грузовичок, подскакивала на ухабах, резко заворачивала то вправо, то влево, повторяя рисунок дороги, заставляя людей, находящихся в кузове, крепко держаться за лавки, на которых они пытались сидеть.

Я примостилась между Мишей Никитиным и Олегом Поляковым в надежде, что они не позволят мне подпрыгнуть очень высоко и вылететь из кузова. Миша – самый старший, ему около тридцати лет, и самый опытный в нашей киногруппе. За его плечами немало съемок в разнообразных местах планеты, подчас очень опасных. Высокий плечистый блондин с голубыми искрящимися глазами. Имея скандинавскую внешность, Миша не отличался, однако, сдержанностью и неторопливостью жителей скандинавских стран. Азартный, энергичный, он встречал каждый новый день, как призыв к бою, и с головой бросался во всевозможные противоборства с природой и самим собой. Олег, чуть пониже Миши, но тоже спортивного вида парень, шатен с серыми, умными глазами, был более сдержанным в словах и поступках, более деликатным и мягким. Вообще, мне повезло. Я уже почти год после окончания института работала с этими ребятами. Как молодого специалиста они постоянно опекали меня, учили азам нашей нелегкой профессии, не ругались, если что-нибудь не получалось. И здесь, в подскакивающей на каждом камне машине, я чувствовала себя в безопасности под их надежной защитой.

Напротив нас сидели наши индийские проводники, Рамит и Амир. Молодые, лет по двадцать пять, загорелые, с глазами цвета переспелой вишни и густыми темно – каштановыми шевелюрами. Но если у Амира волосы были короткими, пышными легкими волнами обрамля-

ющими красивое мужественное лицо, то у Рамита, наоборот, забавные непослушные завитки доходили почти до плеч. Сейчас они были схвачены резиночкой в короткий хвостик, который, однако, не спасал положения: отдельные локоны выбились и располагались так, как им было удобнее, подпрыгивая вместе с машиной и со своим хозяином на каждой кочке. С такой внешностью, думала я не раз, Рамиту нужно было стать артистом или художником, а не водить группы в горах. Человек, предложивший Рамита и Амира в качестве проводников, сказал, что они – опытные альпинисты, без труда ориентирующиеся в здешних краях. Оба, по его словам, были из какой-то местной деревушки. Хотя, на мой взгляд, внешне они разительно отличались от коренастых и круглолицых обитателей высокогорий. Амир – высокий, крепкий, чем-то похож на европейца. Рамит – такого же роста, но с чисто индийской внешностью: стройный, гибкий, с удивительно выразительными глазами, присущими только жителям этой страны. Оба очень хорошо говорили по-английски, поэтому языковых проблем у нас не было. Мое русское имя Аня произносили на английский манер – Энни.

Обычно веселые и разговорчивые, сейчас они с непонятной тревогой наблюдали за движением солнца.

– Перевал уже близко, – то ли нам, то ли самому себе, глухим, отрешенным голосом сказал Рамит, не отрывая глаз от неба, – За следующим поворотом.

Мы все трое одновременно посмотрели вперед, как будто пытаюсь увидеть, что нас ждет впереди. Лица Рамита и Амира оставались неподвижными и напряженными.

Через некоторое время машина плавно повернула вправо, проехала еще метров сто и остановилась. Мы выпрыгнули из нее и осмотрелись. Дальше ехать было некуда. Тот участок, по которому еще только вчера везли в аэропорт несчастного Диму, сегодня был завален несметным количеством камней – от одной, уходящей вертикально вверх, скалы до другой, такой же неприступной и мрачной.

– Придется ехать в объезд, – сказал шофер, – Через другой перевал.

– А сколько это займет времени? – спросил Олег.

– Два-три дня, не меньше. Тут места очень глухие. Дорог почти нет. Да к тому же китайская граница рядом. Не знаю, пустят ли нас на тот перевал. Тогда еще дольше придется добираться.

– Это невысказано! – воскликнул Миша, взмахнув руками, – Мы все трое – съемочная группа. Пока альпинисты обустроивались в базовом лагере, мы согласились отвезти товарища в аэропорт. Но при этом потеряли несколько дней. А вы предлагаете нам сейчас потерять еще почти неделю! У нас – работа! Мы обязаны срочно добраться до лагеря! Ведь он уже недалеко! До него пешком дойти можно! Здесь же, наверняка, есть какие-нибудь тропы!

Миша напористо – вопросительно посмотрел на Рамита и Амира, делавших вид, что этот разговор их не касается.

«Странные какие-то», – подумала я. До этого момента оба казались мне такими сильными, симпатичными, такими открытыми, готовыми прийти на помощь. Я вспомнила, с каким вдохновением рассказывали они легенды об этих краях. Как трогательно – наивно пытался ухаживать за мной Рамит, помогая ставить в базовом лагере палатку и переносить в нее наше оборудование. А сейчас вдруг они превратились в слепо-глухо-немых, делающих вид, что ничего не понимают, людей.

– Амир, Рамит! – обратился к ним Олег, – Вы же все здесь знаете! Помогите нам отыскать другую дорогу через этот чертов Святой перевал!

– А здесь вообще есть другая дорога? – неуверенно спросила я, почему-то надеясь услышать, что ни дороги, ни тропинки через перевал не существует.

– Да, есть, – голосом, далеким от энтузиазма, сказал Рамит, – Вон там, за вашими спинами.

Обернувшись, мы увидели то, чего не заметили сразу: слева, почти параллельно нашей, шла другая дорога, полuzаросшая травой и кустарником. Не доходя до того места, где мы сейчас стояли, она плавно сворачивала и уходила вверх на гору.

– Дорогу, которой мы пользуемся сейчас, проложили лет сорок тому назад, – объяснил Рамит, – Здесь легче было врубаться в скалы. А по той выючной тропе машины не могли проехать. Подъем очень крутой. К тому же на самой вершине перевала прямо на дороге стоит монастырь Трёх монахов. Его построили около двух тысяч лет назад три брата-монаха. Поэтому перевал называется Святым.

– Это прекрасно! – сказал Миша, – Значит, мы можем попроситься на ночлег в этот монастырь. Ведь у нас нет палатки, а скоро уже ночь. Всё нормально! Завтра после обеда будем в лагере. Ребята! Давайте выгружать вещи!

Мы сбросили с машины наш немногочисленный багаж.

– Амир, Рамит, вы же с нами?

– Нет, – замямвшись, ответил Амир, – Мы не пойдем. И вас не пустим. Этот монастырь давно опустел и полуразрушен. В нем уже более двухсот лет нет никаких монахов. Туристы, конечно, изредка ходили посмотреть на него. Мы с Рамитом тоже их туда водили. Но сейчас находиться на перевале очень опасно. Никто в последнее время оттуда не возвращался. Говорят, что в заброшенном монастыре поселились демоны. Нам и на машине страшно проезжать здесь. А вы хотите идти пешком!

От этих слов у меня по спине пробежали мурашки. Я вспомнила, с какой тревогой смотрели Рамит и Амир на клонящееся к закату солнце, как бешено гнал машину шофер. Я оглянулась и только тут обратила внимание на то, что шофер сразу же после нашего с ним разговора забрался в кабину и, вцепясь обеими руками в руль, ждал, когда мы на что-нибудь решимся: ехать с ним или идти пешком.

– Слушайте, ребята! При чем тут демоны?! – сделав успокаивающий жест, сказал Олег, – Вы в полицию сообщали? Может, там просто бандиты какие-нибудь обосновались?

– Бандиты не кричат по ночам страшными, нечеловеческими голосами и не рвут людей на части, – четко выговаривая каждое слово, ответил Амир.

У меня было такое ощущение, что от ужаса я превратилась в холодную неподвижную мраморную статую. Только сердце отчаянно стучало, да глаза вглядывались в нависающие над нами скалы: не притаилась ли там беда?

– А если оттуда никто не возвращался, откуда вы знаете про крики и трупы? – раздраженно спросил Миша, – Все это, наверняка, сказки, очередная местная легенда с ужасным концом.

– Если вы туда пойдете, эта легенда действительно будет с ужасным концом, – попытался убедить его Рамит, – Один наш знакомый решил проверить, правда ли то, что говорят про этот перевал. Еле ноги унес оттуда. До сих пор во сне кричит. А ведь он до монастыря так и не дошел. Как увидел трупы, да как услышал дикие крики, так от страха ноги сами, как сумасшедшие, домой его понесли. Поедем лучше в объезд! А? Скоро зайдет солнце, и здесь станет очень небезопасно.

Я хотела взять свои вещи и отнести их в машину, но, взглянув на Мишу и Олега, поняла – ради выполнения своего долга, своих обязательств перед ребятами, находящимися сейчас в базовом лагере, перед редакцией, ожидающей интересный репортаж, они пойдут на всё.

Легенда... Всей душой, каждой мельчайшей ее клеточкой я поняла, что мы становимся, а, может, уже стали частью этой легенды, легенды Святого перевала. Знать бы только, какая она будет: ужасная, как предрекает Рамит, или все-таки с более или менее нормальным финалом.

– Я иду через перевал, – сказал Миша, – Кто со мной?

Мы с Олегом ничего не ответили, взяли свои рюкзаки и стали надевать их на спины.

– Энни! Это очень опасно! – не выдержал Рамит, – Остайся хоть ты!

– Я – с ребятами. Я – часть этой киногруппы и потому должна идти. Иначе я не могу.

Темные красивые глаза Рамита умоляюще смотрели на меня. Я отвернулась, чтобы не расплакаться: увижу ли я снова эти глаза, эти горы, это солнце, свой родной город, свою маму? Полная невеселых мыслей, автоматически передвигая ноги, шла я за Олегом. Впереди шел Миша. Ребята, как и я, молчали. Они тоже были погружены в себя. Им тоже нелегко дался этот выбор. Поэтому хруст ветки позади нас застал всех врасплох.

«Монстр!» – как молнией прошило мне голову.

– Рамит, Амир? Что вы тут делаете? – изумленно воскликнул Олег, – Вы же решили остаться!

– Вы разве не заметили, что мы уже минут пятнадцать идем за вами следом? – ухмыльнулся Амир.

– Как мы можем бросить вас, да еще с девушкой? – добавил Рамит.

Впятером идти стало веселее. Но не легче. Ведь дорога шла круто в гору, да к тому же еще изрядно заросла кустарником. То и дело приходилось обходить громадные, бесформенные, поросшие мхом и молодыми деревцами серо-черные крапчатые валуны. Я представила, с какой сокрушительной силой летели они сюда во время землетрясений, уничтожая все на своем пути. Где-то невдалеке слышался гул падающей воды. Через некоторое время, цепляясь за траву, ветки и выступающие из земли шупальца корней, спотыкаясь о срывающиеся вниз камни, мы выбрались на открытое пространство, ... чтобы столкнуться с новым препятствием – виадуком, переброшенным через глубокое узкое ущелье, пробитое небольшой, но бурной горной рекой, обрушивающейся с высокой скалы справа от нас. Мост этот казался древним, как эти горы: пеньковая веревка и кожаные ремни, удерживающие в воздухе полусгнившие дощечки, вот-вот должны были лопнуть и прервать связь между двумя высоченными отвесными обрывами, сдерживающими буйство обезумевшей от падения воды.

– По этому мосту пройти хоть можно? – спросил Миша наших проводников.

– Да, – сказал Амир, – Он только на вид некрепкий. Но мы по нему не один раз уже ходили.

– Все равно я проверю, – сказал Миша и шагнул на скрипучие, устрашающе качающиеся досточки.

Перебравшись на другой берег, махнул нам рукой.

– Идите по одному!

Я внутренне напряглась, ожидая своей очереди. Но мне совсем не хотелось выглядеть трусихой в глазах своих товарищей и особенно в глазах наших новых индийских знакомых. И я решительно ступила на шаткое сооружение. Мост угрожающе скрипел, натужно поскуливал, но падать не собирался.

Наконец виадук остался позади. А мы вновь двинулись в путь по крутой, полузаросшей и заваленной камнями дороге. Вскоре я почувствовала, что начинаю задыхаться, хотела уже попросить сделать короткий привал, как вдруг Миша с Амиром, идущие впереди, завернули за огромный, с двухэтажный дом, серо-лиловый валун и остановились. И Амир стал показывать рукой куда-то вверх. Мы подошли к ним и тоже посмотрели вверх.

– Вот он, монастырь Трёх монахов, – сказал Рамит.

Вид был впечатляющим! В этом месте перевал, как ножом, был прорезан поперек небольшим ущельем. По дну ущелья весело бежала какая-то горная речушка, вероятно, та, которую мы переходили по виадуку. Наверху, слева, на самом краю высокого, мрачного, заросшего соснами обрыва, стоял монастырь. Прямо над ним, острием в небо, поднималась голая, безлесная, обрамленная наверху кустарником скала, менее высокая, но не менее мрачная. По обе стороны от перевала начинались отроги громадных, устрашающего вида гор. Дорога, на которой мы

стояли, петляя, спускалась к речушке, а затем, так же петляя, уходила вверх, к монастырю и упиралась в его массивные, обитые металлом ворота.

Ворота эти были врезаны в мощную стену, «вросшую» одной своей стороной в скалу, а другой стороной нависавшую над ущельем. С противоположной стороны монастырь также был огорожен толстой прочной стеной с воротами. Впритык к стенам, по самому краю обрыва и на немногочисленных горизонтальных выступах было «рассыпано» с десятков одноэтажных строений кубической формы с небольшими суженными в верхней части окнами со ставнями.

Позади этих одноэтажных домиков и выше них, на уступе горы возвышалась «пирамида» из двух «кубиков»: внизу – «кубик» побольше, с широкими трапециевидными ставнями, на нем – «кубик» поменьше, немного сужающийся к своему плоскому верху, с длинными узкими прорезями вместо окон. К двери, находящейся в центральной, восточной части сооружения, вела изогнутая лестница, прорубленная прямо в склоне утеса. Даже отсюда, снизу были хорошо видны её черные крутые ступени. Сразу чувствовалось, что это – главное здание монастыря. Оно доминировало, как будто парило над остальными строениями и над ущельем. И в то же время, вращаясь фундаментом и задней своей частью в скалу, сливаясь с ней в единое целое, создавало, как ни странно, ощущение гармонии естественного, природного, и созданного руками человека. Взгляд быстро скользил по одноэтажным домикам и останавливался на этой странной «пирамиде», пытаясь рассмотреть каждую её деталь, пытаясь понять, какие таинства происходили за её стенами в течение сотен и даже тысяч лет.

– Красиво! – сказала я, – Особенно вон то здание, на уступе скалы!

– Это – храм, святилище, – с нотами торжественности и уважения к этому месту пояснил Рамит.

Солнце стояло почти над горой, вздымающейся слева от перевала. Еще немного, и эта гора отбросит громадную тень на всю округу. Снежные вершины нашего и противоположного нашему хребта были окрашены розово-красным цветом и придавали мистический вид всему пейзажу. На их фоне зловеще вырисовывался темный силуэт парящего в небе грифа-бородача, высматривающего себе на ужин жертву.

– Нужно торопиться, – сказал Амир, – Вечера в Гималаях короткие. Мы должны успеть добраться до реки и набрать воды и дров для костра.

Почему-то все зашагали быстрее: то ли оттого, что дорога пошла немного вниз, то ли желая поскорее развести огонь.

Речушка оказалась не так близко, как мы думали, глядя на нее сверху. И, когда мы, наконец, вышли к ней, черная зловещая тень уже поползла по ущелью.

– Аня, ты останешься здесь, с вещами, – сказал Миша, – А мы...

Он остановился на полуслове. Наши взгляды сразу же обратились в ту сторону, куда смотрел Миша. Там, на пригорочке, под чуть склонившимся деревом виднелись три могилы с насупом сбитыми из толстых сучьев крестами. Стало как-то не по себе. Подойдя ближе, мы увидели кожаный мешочек, аккуратно повешенный кем-то на сучок одного из крестов. В нем были документы, вероятно, тех людей, чьи тела покоились в этих могилах. Изучив паспорта, ребята пришли к выводу, что свой последний приют на берегу этой живописной речушки нашли трое бельгийских парней, старшему из которых было всего тридцать пять лет.

– Около недели, наверное, здесь лежат, – осмотрев могилу, сделал вывод Амир.

– Что это? – спросила я, наклонившись ближе к паспортам, которые держал Олег.

– Кровь, – сказал Амир.

– Не нужно пугать Энни, – неодобрительно посмотрел на него Рамит.

– Я не хочу никого пугать. Мы не знаем, что здесь произошло. Но, на крайний случай, нам нужно быть осторожнее.

Не сговариваясь, ребята сняли свои рюкзаки и достали оттуда ножи.

– Давайте отойдем в сторону от дороги и переночуем где-нибудь там, за этим пригорком, – предложил Миша, – Мало ли кто здесь ходит по ночам.

– Хорошо, – согласились Амир и Рамит, поднимая с земли рюкзаки.

– По всей вероятности, мы не первые, кто решил заночевать в стороне от дороги, – хмуро сказал Олег, подойдя к краю пригорка. Мужчины устремились к Олегу. Я тоже медленно приблизилась к ним, хотя ноги почему-то не хотели нести меня в том направлении.

Открывшийся нам вид был ужасен. Прямо под пригорком стояла яркая красно-желтая палатка. Вещи лежали как-то странно: как будто кто-то аккуратно сложил рюкзаки, посуду, аккуратно уложил дрова для костра, а потом начал бегать и топтать все это. Не разбрасывать, а именно топтать. Но не это было ужасным, а другое: чуть поодаль, у самой речушки и даже в ней самой лежало несколько изуродованных трупов.

Тень от горы медленно ползла к реке...

– Аня, не ходи с нами. Мы справимся сами, – дотронулся до моего плеча Миша. Я кивнула головой. Это все, на что я была способна в тот момент.

Мужчины молча сошли вниз, осмотрели убитых людей, вещи, взяли лежащую возле костра лопату. Олег стал копать на пригорке могилу, а остальные на найденном в палатке спальнике переносили останки погибших.

– Что делать мне? – спросила я Мишу, немного придя в себя.

– Собери их вещи в палатку, если тебе это не трудно, – сказал он грустным голосом и, достав нож, пошел на пригорок помочь своим товарищам.

Через некоторое время в сгущающихся сумерках при помощи лопатки и ножей они выкопали шесть неглубоких могил, положили туда покойников, молча постояли и начали забрасывать их землей.

– Теперь нужно срочно заготовить хворост для костра, – сказал Амир, – Уже совсем темно. А здесь у них дров мало.

– Идемте все вместе. Не отходите далеко друг от друга, – предупредил Миша.

Солнце уже полностью скрылось за горой. Но благодаря выглянувшей из-за темно-серых облаков луне что-то можно было различить. Вдоль реки деревьев не было. Поэтому, включив фонарики, мы пошли вверх по широкой тропе, идущей параллельно ущелью. Не успели пройти и пятидесяти метров, как увидели несколько старых, сухих, поваленных друг на друга деревьев: одно – почти на дороге, остальные – у края обрыва.

Дерево, лежащее на дороге, было толстым, с огромными сучьями. Мужчины принялись обрабатывать его ножами и топором. Для моих пустых рук эта работа была сложной. Поэтому, выключив фонарик и спрятав его в карман, я начала обламывать более тонкие ветви с деревьев, находящихся у самого обрыва. Я обламывала их и аккуратно складывала рядом, чтобы потом удобнее было нести. Ущелье лежало прямо передо мной. Время от времени мой взгляд скользил по его крутым, черным от силуэтов сосен уступам, вверх к монастырю, который отсюда, снизу, был почти не виден.

– Аня! – позвал Олег, – Ты идешь?

– Да, я много уже набрала. Сейчас иду.

Я наклонилась, взяла поудобнее вязанку, встала и ... замерла от ужаса. Мне показалось, что часть скалы метрах в двадцати от меня пошевелилась, и от нее отделилась огромная тень. Я стояла, как вкопанная, с широко раскрытыми глазами, прячась за вязанку и пытаясь внушить себе, что все это мне померещилось. Но чем дольше я всматривалась в это место, тем отчетливее видела, что там было какое-то крупное существо. Когда же во мраке ночи сверкнули два жутких глаза, самообладание покинуло меня, и я закричала. Хворост выпал из рук, я упала на него, закрыв лицо руками. Хруст веток под чьим-то мощным телом. Страшные, гортанные, нечеловеческие звуки... И голоса ребят:

- Энни, Энни, что с тобой?!
- Анечка, не бойся, мы рядом!
- Ты видел?!
- Да, вон там! Оно побежало туда!
- Ты видел его размеры?!

В голове гудело, как в пустой бочке. Я сидела на земле, держась за виски. Вокруг стояли ребята.

- Ты сможешь идти?
- Да, – я попыталась встать, но ноги подкашивались.
- Я понесу тебя, – сказал Рамит и обнял меня.

Сильные, добрые руки заслонили меня от черной, безжалостной ночи с её тайнами и призраками, окутали теплом, чувством защищенности. Страх и слабость куда-то исчезли. Я заглянула в карие глаза, с нежностью смотревшие на меня, и представила себе тихий осенний московский скверик: падают золотистые листья, и Рамит несет меня на руках... Мысленно встряхнулась.

– Нет. Мне не нужна помощь. Я пойду сама. Мы должны нести дрова. Мы должны принести много дров. Ночь длинная.

Собрала рассыпанные ветки и встала. Подняв глаза, увидела удивленные лица друзей.

– Ну, ты и крутая девчонка! – покачал головой Миша, – Настоящий кинореporter! Без страха и упрека!

- Наша школа! – с гордостью добавил Олег, – Никаких слёз и истерик!
- Загадочная русская женщина, – пробормотал Амир.

И только Рамит понимающе улыбнулся.

Забрав все, что заготовили, и, вернувшись на поляну, где те несчастные разводили костер, мы остановились в молчании, не зная, на что решиться.

– У нас нет выбора, – после некоторого колебания сказал Амир, – Слишком темно, чтобы искать какое-то другое место.

И бросил ветки возле кострища. Никто не спорил. Развели огонь. Достали все оставшиеся запасы еды.

– Немного, – сказал Рамит, – Но на ужин и на завтрак нам хватит. А к обеду в лагерь уже придем. Главное – у нас достаточно воды. Не нужно кипятить.

Никто и словом не обмолвился о том, что рядом, в палатке, были продукты тех бедолаг, что покоились теперь на пригорке под чуть наклонившимся деревом. Эти продукты никому не полезли бы сейчас в горло. Даже котелок не хотелось брать.

– Ну, что ж, – сказал Миша, когда наш скромный ужин был закончен, – Давайте проанализируем обстановку!

– На данный момент вырисовывается следующая картина, – начал Рамит, – Где-то около недели назад эти шестеро итальянских парней нашли тех троих бельгийцев. Когда погибли бельгийцы, не известно. Итальянцы похоронили их и разбили лагерь в стороне от дороги, в этом самом месте. Возможно, что их, как и нас, застала врасплох ночь. Теперь уже не определить, по каким причинам они не ушли отсюда. Но ясно одно, они понимали всю опасность своего положения.

– Да, – согласился Миша, – Возле костра лежал топор. У каждого из них в руках или рядом был нож.

– Я осмотрел ножи, – сказал Амир, – Только два из них в крови. Остальные люди по каким-то причинам так и не смогли ими воспользоваться.

– Отсюда следует, что нападение было внезапным и мощным, – подытожил Олег.

– С этим все более или менее понятно, – продолжил Рамит, – Далее идет самое странное – характер нанесенных этим людям травм. Их как будто душили и били об землю. Если бы на них напало животное, то в первую очередь оно бы их рвало зубами.

– Да, странно, – задумчиво произнес Миша, – Животные обычно сторонятся человека... А вы заметили, что лица у этих ребят были перекошены от ужаса? Чертовщина какая-то. Тут еще огромная тень у обрыва.

Все повернулись ко мне: «Можешь рассказать подробно, что ты видела?»

– Громадину, отделившуюся от скалы, и жуткие глаза, – начала я.

И вдруг все ущелье содрогнулось от страшного рева, идущего сверху, от монастыря. Я захлебнулась так и не высказанными словами, сжалась до хруста в костях. Там, наверху, схлестнулись какие-то чудовищные силы, ожесточенно пытающиеся отстоять свое господство на перевале.

Рев, визг, рычание, визжание переливались страшными, отчаянными нотами от самых низких, бросающихся в атаку, до самых высоких, корчащихся в невыносимых муках, задыхающихся от боли и слепой ярости.

Хотелось закрыть глаза, плотно заткнуть уши, превратиться в улитку и забиться под какой-нибудь листочек, чтобы никто, ни одно из этих страшилищ не могло тебя достать! Хотелось мчаться: вверх по дороге, потом вниз по склону, и далеко-далеко, чтобы не слышать этих жутких звуков!

Небо, как черное опрокинутое сито с миллионами предательских дырочек, бледная, зловещая, как лицо мертвеца, луна безжалостно освещали нас, усмехаясь, что нам некуда бежать, радуясь, что мы так доступны, так беззащитны!

Я готова была закричать сама, еще громче и пронзительнее, чем те существа у монастыря! А вдруг эта битва монстров перекатится сюда, вниз по дороге?! А вдруг эти чудовища увидят наш костер и разорвут нас так же, как тех несчастных парней?!

Рамит взял меня за руку: «Энни, успокойся! Мы – рядом. Все будет хорошо». Я почти не слышала его голоса из-за громовых раскатов этой дикой, остервенелой бойни. Просто смотрела на него остекленевшими глазами и думала: «Я сейчас сойду с ума!»

Неожиданно все замерло. Два-три рыка вдогонку кому-то (или над чьим-то трупом, о ужас!), и тишина, черным, почти осязаемым облаком расползающаяся по ущелью. Тишина, от которой глохнут уши, лопаются голова в тщетном усилии услышать крадущиеся во мраке ночи шаги, понять, откуда теперь ждать опасности!

Все сидели с напряженными лицами, с оружием наготове – ножи, топор, лопата.

– Может, убежим отсюда? – шепотом предложила я.

– А если на нас нападут из засады? – вздохнул Миша.

– Давайте тогда потушим костер, – внес следующее предложение Олег, – Чтобы нас не заметили.

– Нет, – сказал Рамит, – Вы видели, как лежали дрова? Эти парни не успели развести огонь. Возможно, он спас бы их.

– Но здесь же было кострище? – не понял его Миша.

– Этому кострищу уже несколько лет. Это одно из любимых мест туристов, – объяснил Рамит, – Помните, когда мы пришли, дрова были только возле него? Оно само было абсолютно ровное.

– Но, может, дрова просто прогорели? – неуверенным голосом спросил Олег.

– Ты же сам прекрасно понимаешь, – вступил в разговор Амир, – Если бы хоть какие-нибудь дрова здесь горели, от них все равно остались бы недогоревшие кусочки. Рамит прав – костер тушить нельзя. И в него нужно положить сучья потолще так, чтобы один конец горел, а за второй можно было бы взяться рукой. Возможно, они нам пригодятся.

Мы положили в огонь сучья, сели на свои места и опять погрузились в темную, гнетущую тишину. Я смотрела на костер и первый раз в жизни не радовалась веселому треску дровишек, причудливым формам пепла, диковинным, переливающимся то алыми, то багровыми оттенками цветам, распускающимся и умирающим в сердце огня. Картины детства, беззаботного, наивного, проплывали в моей голове. Мне бы сейчас те проблемы, из-за которых я, глупая, даже иногда плакала! Веки мои стали тяжелыми. Голова как будто налилась свинцом. Я медленно погружалась в бездну, безвольно поддаваясь охватившей меня слабости.

Лодочка на реке, я иду с рюкзаком со своими товарищами, странные, причудливой формы холмы – мозаика, неизвестно из чего составленная моим подсознанием. А потом голос. И я все пытаюсь рассмотреть лицо человека, зовущего меня. Вот я все ближе и ближе. И чем я ближе к нему, тем мне страшнее...

– Энни, Энни!

– Аня, проснись!

Открыла глаза: черное небо, костер, ребята. Я вдруг вспомнила все ужасы этой ночи и пожалела, что проснулась. Вот бы заснуть летаргическим сном и проснуться, когда весь этот кошмар будет уже позади! А будет ли он когда-нибудь позади?!

– Аня, – извиняющимся голосом сказал Олег, – Мы не хотели тебя будить. Мы были даже рады, что ты уснула. Но у нас проблема – заканчиваются дрова. Нечем поддерживать огонь. А ночь еще долгая. Нам нужно опять идти на ту поляну. Но оставлять тебя здесь одну мы не можем. Мы идем все. Пошли, а?

Я огляделась в надежде найти убежище, где бы можно было подождать ребят. Но с грустью поняла, что надежнее укрытия, чем спины моих товарищей, мне не найти.

– Конечно, я иду, – обреченно сказала я.

На этот раз мы шли вверх по дороге более осторожно, время от времени останавливаясь и прислушиваясь. Вот и поваленные деревья.

– Не будем рубить это толстое дерево, чтобы не поднимать лишнего шума, – предложил Амир, – Давайте наломаем сучьев с тех, более тонких деревьев.

Мы подошли к деревьям и стали как можно более тихо обламывать с них ветки. Одна ветка была очень длинная. Я попыталась обойти её со стороны ущелья, как вдруг почувствовала, что под моими ногами нет опоры. Со страшным треском, слышимым, наверное, за десять километров, обрушилась я на дно ущелья. Хорошо, что склон в этом месте только набирал высоту и был поэтому невысоким. И кусты не были колючими. Помогла еще спортивная сноровка – сумела сгруппироваться. Иначе бы не избежала переломов.

Я ощупала себя. Вроде, все нормально. Руки – ноги целы. Ссадины не в счет. Нужно скорее выбираться отсюда. Ребята вон уже спускаются. И вдруг (опять это кошмарное, тошнотворно—страшное «вдруг») прямо перед собой, на расстоянии вытянутой руки я увидела два получеловеческих, полунепонятно каких глаза! Ядовито – желтая луна, изо всех сил пытаюсь довести меня до паралича, с радостью садиста освещала жуткую, покрытую серо-бурой шерстью морду! Что такое бешено выпученные глаза и отвалившаяся челюсть, я испытала в тот момент на себе. Я не могла двигаться – тело перестало слушаться. И когда это страшилище испустило низкий гортанный звук, я с силой зажмурила глаза, не в силах бороться, не в силах убежать!

Крепкие руки схватили меня.

– Энни, Энни! Что с тобой?

Открыв глаза, увидела склонившегося надо мной Рамита.

– Рамит? Это ты? Ты пришел, чтобы спасти меня? Или ты не Рамит, а оборотень?!

Сознание не в состоянии было справиться с захлестнувшими меня эмоциями – я погрузилась в кромешную темноту...

* * * * *

Что-то неприятное происходило со мной. Не могла понять, что именно, но хотела избавиться от этого. Открыв глаза, увидела Амира, лупящего по моим щекам.

– Не бей меня, мне больно! – я инстинктивно прикрыла щеки ладонями.

– Слава Богу! Жива! – выдохнул Рамит.

– Ничего! Главное, нет переломов, – бодрым голосом сказал Миша.

– Где мы? – простила я.

– Где мы?! Где оно?! – закричала я, сразу вспомнив всё и увидев, что мы находимся в том же самом месте, куда я упала.

– Не бойся, – сказал Рамит, – Оно здесь. Вернее, он здесь. Посмотри!

Мужчины раздвинулись, и я увидела Олега, протягивающего сухарик какому-то маленькому, страшненькому существу. В лунном свете он казался нереальным, как будто телепортированным из какого-то ужастика.

– Это что, детеныш снежного человека, йети?! – в недоумении воскликнула я.

– По всей вероятности, да, – задумчиво ответил Амир, – И очень маленький детеныш. Совсем кроха. Ходить еще толком не умеет.

– На гоблина похож, – без тени иронии сказал Миша.

Малыш с деловым видом откусывал кусочки сухарика и тщательно пережевывал их, не упуская при этом из поля зрения каждого из нас. И как я могла испугаться такого малявки? Мне стало стыдно за свои страхи.

– Бабу, – сказал Амир, – Настоящий бабу (*«бабу» – ударение на втором слоге – прим. автора*).

– Действительно, – улыбнулся Рамит, – Настоящий кхокабабу!

– А что обозначает «бабу»? – поинтересовалась я.

– «Господин», – объяснил Рамит, – У нас в Индии так обращаются к важным людям.

Посмотри, с каким деловым видом он ест!

– А «кхокабабу»?

– «Кхокабабу» – «маленький господин».

– Интересное слово, «бабу», – сказала я, – Мне оно напоминает другое слово – «бэйби», «младенец». Он такой маленький, жалкенький!

– Какой он «бэйби»? – не согласился Миша, – Бабуин натуральный! Вы на его морду посмотрите! Уродина!

Олег и Рамит громко рассмеялись. Бабу посмотрел на Мишу внимательным, строгим, немигающим взглядом, словно взывая к его совести. Затем продолжил не торопясь, с расстановкой жевать угощение.

– Для тебя бабуин, а для его мамы он самый красивый! – возмутилась я.

– Не хотел бы я встретиться с его мамой, – мрачно ухмыльнулся Амир.

В резко наступившей тишине слышалось только журчание реки и деловитое посапывание Бабу, занятого разгрызанием сухарика. Зловещая луна ехидно освещала густой кустарник, расплзшийся по дну ущелья и скрывающий речушку и Бог знает еще что или кого, и почти отвесную, такую же заросшую скалу за нашими спинами.

– Интересно, а где его мама? – понизив голос почти до шепота, спросил Олег.

– Может, её сожрал тот монстр, наверху? – предположил Миша.

Чудовище, засевшее у монастыря, как будто услышав слова Миши, испустило долгий, протяжный вой, душераздирающими ступенями спустившийся в ущелье и заполнивший его до краев ужасом. Казалось, что кто-то стонет не то от радикулита, не то от смертельной тоски, утолить которую может только чья-то жертва, чья-то хлестающая кровь и разрывающаяся плоть.

Мы все инстинктивно прижались к скале. Рамит подтащил к себе ничего не понимающего, окаменевшего от страха Бабу и сел поплотнее к нам.

«Хорошо, что мы ушли от той палатки, – подумала я, – Место там открытое. Мы видны, как на ладони. А здесь кругом кустарники. Никто нас не увидит. Отсидимся до утра и тихонечко отправимся назад, подальше от этого перевала. Лучше уж неделю в объезд добираться, чем попасть в лапы тому монстру наверху».

Стоны, вой, переходящий в рёв, становились все напряженнее и ритмичнее, словно кто-то раскачивался всем телом и мотал в такт ему головой. Страшное соло на скале, ледящее душу, которое никто не в состоянии был слушать, которое никто не хотел поддержать!

Но когда эта агония, от которой оцепенело все живое, дошла до апогея, до полного иступления, напоминая буйство умолешенного, снизу, со дна ущелья ему ответил другой голос, полный гнева, ненависти и желания убивать. Два голоса слились воедино, не желая уступать друг другу. И вдруг они стали двигаться в нашу сторону!

– Быстро! – закричал Амир, – Отсюда нужно срочно уходить!

– А Бабу? Что делать с Бабу? – с отчаянием запричитала я, – Он же совсем маленький! И совсем один! Они же его съедят!

Амир секунду колебался: «А, ладно! Берем его с собой!»

Рамит подхватил Бабу под мышку, и мы, помогая друг другу, полезли наверх и бросились вниз по дороге, не обращая внимания на хруст веток под ногами. Какой там хруст, когда весь перевал содрогался от выступления взбесившегося дуэта! Прибежав к кострищу, начали в спешке заталкивать вещи в рюкзаки.

Неожиданно звуки умолкли. Мы застыли на своих местах, растерянные, застигнутые врасплох этими новыми обстоятельствами.

– Что делать? – спросил Олег, – Вдруг они придут сюда?

– Уходить, – ответил Миша, – И как можно скорее!

– А что будем делать с малышом? – озадачил всех Рамит, – В человеческое общество ему нельзя. Не в зоопарк же его отдавать. Получеловек все-таки!

– А о малыше позаботятся его родители, – тихим, напряженным голосом сказал Амир.

Все оглянулись. Вдоль реки по направлению к нам двигались два высоких существа, чем-то напоминавших то ли обезьян, то ли каких-то лохматых первобытных людей: одно существо повыше, прихрамывающее на правую ногу, второе – пониже и потолще. Серо-бурая шерсть и ужасные морды (или лица?) такие же, как у нашего Бабу.

– Давайте осторожно, без лишних движений отойдем подальше, – предложил Рамит, – Пусть они заберут своего детеныша.

Мы отступили за костер, в котором уже почти не осталось тонких веток. Только толстые сучья, приготовленные нами на случай самообороны, трещали и переливались на концах огненными узорами.

Чета йети медленно, но в то же время решительно приближалась к малышу. До Бабу уже оставалось метров десять, как вдруг огромная черная тень нависла над поляной. Все замерли. На пригорке, на котором мы похоронили итальянских парней, стоял невиданных размеров снежный человек, не менее двух с половиной метров ростом. Луна, как искусный гример, при помощи игры света и тени придавала этому жуткому существу еще более устрашающий, еще более чудовищный вид. Глухое рычание, исходившее из его груди, не предвещало ничего хорошего. Внизу, на поляне, прямо перед ним сидел маленький серо-бурый комочек – Бабу.

– Ракшаса, демон, – мрачно объявил пришельца Рамит, как очередного гостя на балу у самого дьявола (*«Ракшаса» – ударение на первый слог – прим. автора*).

– Вот это громила! – тихо воскликнул Миша, – Да он нас всех сейчас как цыплят передушит!

Фигура Ракшасы была неподвижной. Длинные, мощные, с огромными кистями руки, как плети, свисали вдоль туловища, чуть наклоненного вперед. Лицо медленно поворачивалось слева направо. Злобные, налитые кровью глаза не торопясь обводили взглядом всю нашу компанию, как будто пытаясь понять, как мы все здесь вместе оказались. Сначала он внимательно осмотрел своих соплеменников, издававших низкие, угрожающие звуки. Отец Бабу сделал шаг вперед, и смело посмотрев в глаза врагу, приготовился к бою. Он был очень высоким и сильным, но все-таки уступал в росте Ракшасе. Мать Бабу тоже приготовилась к бою, хотя для неё он мог оказаться последним: одной рукой она зажимала рану на боку, вероятно полученную несколько часов назад в битве у монастыря – сквозь пальцы просачивалась кровь.

Ракшаса не ответил на воинственный порыв йети и перевел взгляд на их детеныша. Бабу сидел на земле, потешно сложив ножки и зажав в кулачке сухарик. Как маленький ребенок где-нибудь в парке на травке. Но это был не парк. И это был не человеческий, беззащитный, ничего не понимающий, не чувствующий опасности детеныш, а йети, совсем еще маленький, но йети, дитя природы. Все его крошечное тельце напряглось, голова, раскачиваясь из стороны в сторону, подалась вперед. А глаза решительно, не по-детски смотрели вверх, не мигая, прямо в жуткие глазищи Ракшасы. Из груди малыша вырывалось громкое урчание. Он не мог еще толком защитить себя, но уже был готов умереть, не склонив ни перед кем голову!

Некоторое время великан и кроха съедали друг друга глазами. Затем Ракшаса, потеряв интерес к малышу, перевел взгляд на нас. Я инстинктивно спряталась за спину Рамита. Я – не дитя природы. Если этот монстр посмотрит на меня, он сразу же поймет, что я чуть жива от страха. Мужчины стояли полукругом, и мне были хорошо видны их лица, каменные от напряжения, стойко принимающие на себя удар. Что сейчас творилось в их душах? Этого было не понять. На них словно были надеты невидимые маски, спрятавшие чувства. «Иногда оставаться трусом значительно опаснее», вспомнила я вычитанные где-то слова.

Но я – трусиха. Поэтому я плотнее прижалась к спине Рамита. От его ветровки шел едва уловимый запах пряностей, сладкий терпкий аромат которых уносил далеко-далеко, на шумные, светлые улицы индийских городов. По этим улицам неслись машины, сигналили, подмигивали друг другу фарами. И не было там ни одного существа, подобного тому, что стояло сейчас на пригорке и рычало, как голодный медведь.

И вдруг рычание переросло в громкий, леденящий душу боевой клич. Я невольно выглянула из-за своего укрытия. Ракшаса двинулся на нас! На его пути оказался детеныш йети. Еще немного, и он раздавит малютку своей огромной волосатой лапой! Мать и отец Бабу рванулись к своему ребенку, преградив дорогу разъяренному великану. Ракшаса, продолжая издавать жуткие воинствующие звуки, с выпученными, пылающими злобой глазами бросился на них. Одним ударом сбил с ног мать и сцепился с отцом.

Мои товарищи, не сговариваясь, как по команде, выхватили из костра толстые сучья-факелы и бросились вперед.

– Энни! – повернулся ко мне Рамит, – Быстро прячься за те камни! И если... Если все закончится плохо, дожись утра и убегай отсюда! Слышишь?!

Он повернул меня и с силой оттолкнул от себя. Я с трудом удержалась на ногах. Всмотрелась в темноту. Камни были совсем близко. Можно протиснуться между их черными боками, замереть, слиться с ними и как-нибудь переждать весь это кошмар.

Оглянулась назад. Мать Бабу, хватаясь за бок, старалась подползти к своему сыну. Два самца катались по земле, пытались вышибить друг из друга дух. Мужчины стояли вокруг с сучьями наготове, чтобы в подходящую минуту помочь отцу Бабу. Но подойти близко к мечущимся по траве йети было невозможно. Отец Бабу оказывал яростное сопротивление своему врагу. Однако силы были неравные. Ракшаса с бешеным ревом подхватил его своими огромными ручищами и швырнул на землю. Развернувшись, он бросился на моих товарищей!

Ребята стали плотно друг к другу и выставили вперед горящие сучья. Резкая боль от ожогов заставила обезумевшее существо остановиться. Вскинув руки вверх, он истошно заревел и в припадке ярости ударил по причинившим ему боль сучьям, выбив их из рук людей. Миша и Рамит упали. Увидев поверженных врагов, Ракшаса наклонился и вцепился в Рамита, но, получив от Амира мощный удар горячей веткой по морде, отпустил жертву, схватился за глаза, не удержался и рухнул, увлекая за собой тех, кто еще держался на ногах. Все четверо моих друзей оказались погребены под этой злобной, ревущей, копошащейся тушей. Я выхватила из костра горящую ветку и бросилась вперед. Что делать?! Еще секунда, и он раздавит их или разорвет на куски!

«Что де...?» – не успела я задать себе вопрос и, споткнувшись о камень, плашмя упала на землю. Перед моим лицом оказалась огромная безволосая ступня чудовища. Не раздумывая, я сунула горящий сук в грязную мерзкую пятку. В тот же миг надо мной выросла гигантская орущая гора. Чьи-то руки подхватили меня и оттащили в сторону. Я вскочила на ноги, подняла с земли горящий сук и принялась вместе со всеми яростно хлестать нападающего на нас йети. Некоторое время Ракшаса пытался сопротивляться, но, в конце концов, подгоняемый раскаленными ветками, он убрался восвояси, однако не в сторону монастыря, а вверх по дороге, ведущей к выходу из перевала. Его рычание становилось все тише и тише. Затем замерло где-то вдалеке...

Мы огляделись вокруг. Солнце еще не взошло. Но первые его лучи, предвестники рассвета, уже стали пробиваться из-за гор тонкой, неясной полоской. В предрассветных сумерках пред нами предстала безрадостная картина. Бабу съживившимся комочком сидел на траве – битва, произошедшая у него на глазах, оглушила его. Отец и мать Бабу лежали, не шевелясь, недалеко друг от друга. На животе матери зияла большая рваная рана. Из её груди вырывался стон. От жалости у меня защемило сердце!

Амир посмотрел на Рамита.

– Я понял. Сейчас принесу аптечку, – ответил на немую просьбу Рамит и пошел за рюкзаком своего товарища. Амир хотел подойти к раненой поближе, но она зарычала. Тогда я взяла на руки Бабу, поднесла его к матери и усадила рядом с ней. Йети обняла своего детёныша, на её глазах были слезы. Амир обезболит поврежденное место каким-то аэрозолем, достал гнутую иголку и нитки и начал зашивать рану.

В это время отец Бабу с трудом сел, придерживаясь за землю, посидел немного, посмотрел на нас, на свое семейство. Потом встал и так и стоял, как вкопанный, пока оказывали помощь его «жене».

Между тем, Амир заштопал рану, залил её чем-то вязким и сделал укол.

– Ну, вот и все, мадам, – сказал он, оставшись, видимо, довольным своей работой.

– А кто же эти нитки убирать потом будет? – удивилась я.

– Это медицинские нитки и клей, – объяснил Амир, – Они сами со временем рассосутся.

Пока же нитки будут удерживать края раны, а клей не даст инфекции проникнуть внутрь. Жаль, что только один укол антибиотиков сделал. Но, думаю, все и так будет в порядке.

«Вот это да! – подумала я, – У меня высшее образование, а я этого не знаю и не умею. Даже Миша с его медицинской подготовкой и опытом ничего не мог предпринять. А тут какой-то простой проводник делает операцию в полевых условиях! Надо же!»

Мы отошли от снежных людей, дав им возможность прийти в себя и уйти к себе. «Мадам» осторожно встала, сумев как-то при этом не уронить свою драгоценную ношу – своё дитя. Подошла к отцу Бабу, и они медленно заковыляли вдоль речушки к кустарникам, покрывающим дно ущелья. Остановились, оглянулись на нас, постояли так недолго и скрылись в густых зарослях. Последнее, что мелькнуло в моих глазах, был так и не съеденный сухарик, зажатый в ручонке Бабу.

– Хорошо, что родители Бабу не погибли, – с нежностью в голосе сказал Рамит.
– Точно, – согласился Миша, – Хорошо, что этот вонючий пушистик не остался сиротой!
Я хотела было укоризненно посмотреть на Мишу, но почему-то передумала...

– А вам не кажется, что нам нужно срочно убираться отсюда, пока дорога к монастырю свободна? – вернул нас всех в реальность Олег, – Надо быстро брать вещи и уходить!

– А если он такой не один? – то ли нас, то ли самого себя спросил Амир.

– А если он вернется? Он же в два счета догонит нас, – продолжил размышление Миша.

– Странный он какой-то, – недоуменно проговорил Рамит, – Он мог спокойно откусить мне голову. Но почему-то не сделал этого.

– Да, действительно, интересно выходит, – согласился Олег, – Мы все побитые, но не покусанные.

– Как те итальянские парни, – мрачно добавил Миша.

– Нужно что-то придумать, – сказал Амир, – Ножи и топор здесь не помогут. Нужно сделать колья.

– И рогадины, – добавил Миша, – У нас в России, в Сибири, на медведей раньше всегда с рогадинами ходили.

– А ты умеешь ими пользоваться? – поинтересовался Рамит.

– Да нет.... Но я в кино видел и в книгах читал.

– Это уже кое-что. А теперь давайте работать, – прервал разглагольствования Амир.

Ребята активно принялись за изготовление орудий самообороны. Я уложила аптечку и остальные вещи в рюкзаки. Светлая полоска над вершинами гор становилась все шире и шире.

«Скоро взойдет солнце, – подумала я, – И исчезнут все страхи этой ночи».

Надев рюкзаки и подхватив рогадины и колья, мы быстрым шагом направились вверх, к монастырю. Впереди Амир и Рамит, затем я, замыкали наш маленький отряд Миша и Олег. Идти было тяжело. Снизу монастырь казался довольно близким. Стоит только руку протянуть, и вот он, рядом. На самом же деле дорога петляла, как уж, и каждый новый её изгиб вселял в нас все больше и больше страха: что там сзади, за теми камнями и кустами, что или кто поджидает нас, притаившись, за новым поворотом?

«Быть в неведении гораздо страшнее, чем смотреть опасности прямо в глаза, – подумала я, надеясь, однако, что теперь мы без приключений выберемся из этого ужасного места, – Ничего себе, Святой перевал! Его нужно было назвать перевалом монстров!»

Наконец, мы вышли на финишную прямую: до монастыря оставалось метров триста почти прямой дороги.

«Где, интересно, это взбесившееся чудовище? Каких людей еще пугает?» – мысленно спросила я себя, переводя дух и озираясь вокруг. И тут же, глотнув, как рыба, открытым ртом воздух и вскинув руки, чуть было не упала на идущих впереди мужчин. Наши взгляды устремились вниз, на дорогу, по которой мы только что шли. Там на большой скорости, по направлению к нам двигалось огромное лохматое серо-бурое существо. Мы оглянулись на монастырь.

– Не успеем! – сказал Амир.

– Попробуем! – не согласился Миша.

Все рванули вперед. Сердце билось в горле. Ноги едва касались земли, и казалось, что мы сейчас взлетим. Вот он, монастырь. Все ближе и ближе его широкие, окованные металлом ворота. И все ближе и ближе злобное рычание кровожадного животного!

– Стойте! – крикнул Рамит, – Нам не избежать столкновения! Нужно отдышаться и приготовиться к бою! Энни, беги к монастырю одна!

Я отрицательно покачала головой, отошла в сторону и прижалась спиной к скале. Сражаться я не могла. Но оставить своих друзей я тоже не могла. Будь, что будет!

Ребята сбросили на землю рюкзаки и покрепче взяли в руки оружие. Через несколько мгновений из-за поворота показался Ракшаса, гигантскими шагами сокращая между нами расстояние. Он с легкостью мчался вверх, причем не на четырех лапах, как какая-нибудь горилла, а на двух ногах, как человек, как хорошо тренированный атлет, как существо, обладающее разумом. Но в его налитых кровью глазах не было видно стремления поговорить с нами на интеллектуальные темы, в них читалось только одно желание – убить нас. Ни секунды не раздумывая, он бросился в бой! Мужчины уже были готовы отразить атаку. Амир и Рамит мощными бросками направили в великана свои колья и отскочили назад. Деревянные колья, однако, не смогли пробить густую шерсть и остановить ревущего йети. С диким рычанием он набросился на людей, но был схвачен рогатинами, подставленными с двух сторон под его горло и зажавшими его, словно тисками. По инерции Ракшаса стал заваливаться вперед. Барахтаясь, как жук, он пытался дотянуться до своих жертв мощными руками с когтистыми пальцами. С огромными усилиями, все четверо, ребята старались удержать рогатины. Но грязная, вонючая туша, хрипя и извиваясь, все сильнее и сильнее наваливалась на них. В какой-то момент Ракшасе удалось упереться ногами и отбросить от себя ненавистные деревянные удавки. В припадке ярости он схватил наше примитивное оружие и начал его ломать.

– На скалу! – закричал Рамит, – Всем быстро на скалу! На тот карниз!

Страх заставлял наши руки и ноги быстро двигаться. Альпинистская сноровка, навык работы в горах помогали мгновенно принимать правильные решения, ориентироваться среди выступов и трещин. Вот и карниз! Я первая взобралась на него и протянула руку Олегу. Мы спасемся! Мы обязательно что-нибудь придумаем и спасемся!

Но гигантский рост Ракшасы, его природная мощь и ловкость оставляли нам мало шансов на выживание. Покончив с кольями и рогатинами, он посмотрел вверх. Наши взгляды встретились. Смертельный ужас ледяным потоком разошелся по всему моему телу, сковал мои руки. Никто никогда не смотрел на меня с такой ненавистью! Это не было желанием дикого зверя поймать добычу и насытиться её плотью. В этих свирепых почти человеческих глазах читалась только одна мысль – отомстить! Но за что?! Что мы ему сделали?! Отчаяние, пронзительное желание оказаться где-нибудь в другом месте захлестнули меня, и я покачнулась, чуть было не упав на дорогу. Схватила за какой-то камень и посмотрела вниз. Ракшаса был уже на стене!

Последним из нашей группы поднимался Миша. Разъяренный йети поймал его за ногу и сбросил со скалы. Миша упал на твердую каменистую дорогу и схватился за руку, зажмурив глаза от резкой боли. В ту же секунду вскочил, пытаясь убежать и спастись в монастыре. Но было уже поздно. Ракшаса мягко спрыгнул на землю рядом с Мишей и, издавая довольное, торжествующее урчание, наклонился к своей жертве. Бедный Миша! Он оказался в роли маленького мышонка, попавшего в лапы гигантской кошки! Мои щеки и сердце обливались слезами!

– По-мо-ги-те! Кто-нибудь по-мо-ги-те! – закричала я, срывая себе голос и едва не сорвавшись вниз.

Амир и Рамит не стали впустую звать на помощь. Общими усилиями они оторвали от скалы камень и запустили его в голову чудовищу. Ракшаса пошатнулся, замер и посмотрел вверх. И тут Олег, оторвав небольшой камешек, тоже швырнул его в монстра. Удар пришелся прямо в челюсть нашего преследователя. Дикая гримаса перекосила физиономию йети. Он заревел так, как если бы ему на голову вылили кипяток. С выпученными глазами Ракшаса полез наверх, к нам!

Мы отчаянно ощупывали скалу и отрывали от нее все, что можно, пытаясь остановить атаку. Камни один за другим летели на голову и плечи йети. Но он упрямо поднимался вверх. Все ближе и ближе его хриплое дыхание, все ближе и ближе смрадный запах его грязной нечесаной шерсти.

Прямо под карнизом, на котором я сидела, находился камень, который, как мне показалось, слабо держался, и его можно было оторвать. Наклонившись вниз, я схватилась за этот камень, потянула его на себя и . . . , взмахнув в воздухе ногами, полетела со скалы. Руками вперед, как спортсмен, ныряющий в воду с трамплина. Инстинктивно, повинаясь закону самосохранения, руки вцепились в первое, что им подвернулось – в мягкую вонючую шерсть Ракшасы. Такого удара йети не ожидал! Как гигантский плюшевый медведь упал он на дорогу. Сверху, на мое огромное счастье, сверху, упала я. Сознание работало слабо, я не могла ориентироваться в создавшейся ситуации. Но подсознание должным образом руководило моими руками и ногами, унося меня поскорее с этого зловонного «матраса».

Миша подбежал ко мне, помогая встать: «Бегом в монастырь, пока он не очухался!» Я попыталась подняться, но голова вдруг закружилась, ноги подкосились, и, потеряв равновесие, я упала. Падая на руки Миши, как в тумане увидела спускающихся с горы друзей и поднимающуюся фигуру йети. Миша усадил меня, схватил остаток сломанного кола и начал дразнить им чудовище, уводя его подальше от меня. Подоспевшие товарищи тоже подобрали уцелевшие куски нашего оружия и пытались отогнать снежного человека. Тот озирался вокруг, скалясь и лениво отмахиваясь своими волосатыми руками, как будто решая, кого убить первым.

Я с трудом встала, придерживаясь за скалу. Голова все еще кружилась. Мысли шли медленно, словно пробиваясь сквозь вату.

«Так не может долго продолжаться, – отрешенно—обреченно подумала я, – Йети сильнее. Он сильнее нас всех, вместе взятых. Спротивляться ему бесполезно. Он все равно нас убьет. Хотя ребята действуют довольно слаженно. Они помогают друг другу. А йети один. У него нет друзей. Ему некому помочь. Он совсем один».

Лучше бы я об этом не думала! Какие-то темные, злые силы, наблюдавшие за сражением у монастыря, услышали мои мысли и послали нам новое испытание: снизу, из-за поворота показалась фигура еще одного серо-бурого великана! Оскаленные зубы, горящие ненавистью глаза и грозное рычание красноречиво говорили о его воинственных намерениях.

Ракшаса отвернулся от людей и посмотрел на своего соплеменника. Мужчины замерли. На их лицах было удивление и растерянность. На моем лице было не просто удивление, а ужас! Ведь я оказалась в ловушке между двумя монстрами! Голова перестала кружиться. Но тело окаменело. Я ясно представила себе, как через несколько секунд эти две гориллы-переростки разорвут меня на части.

– Энни! Аня! Убегай! – закричали ребята и поддали Ракшасу сзади обломками кольев. Гигант взревел и бросился . . . вперед! На приближавшегося к нам йети! Я вжалась в стену. Прямо передо мной сцепились в смертельной схватке две чудовищных силы!

Рамит схватил меня за руку и потащил к монастырю. Оказавшись рядом с огромными, тяжелыми воротами, мы оглянулись. Олег и Миша догоняли нас. Амир спокойно возился со своим рюкзаком под громогласный рев разъяренных животных. Вот он что-то достал из своей аптечки, что-то, похожее на шприц. Прижался к скале, выждал момент и, всадив этот шприц в ногу Ракшасы, спокойно отошел к нам, понимая, что снежным людям сейчас не до нас.

Битва гигантов продолжалась. Но неожиданно Ракшаса осел и, как мешок, свалился спиной на землю, распластавшись посреди дороги. Его враг недоуменно посмотрел на него, наклонился, ткнул неподвижное тело пальцем, постоял немного. А затем поднял свои огромные ручищи и издал торжествующий клич! Солнце, наконец-то выглянувшее из-за горных вершин, осветило «победителя» во всей его дикой красе. Эхо понесло его ликование вниз по ущелью, вспугнув стаю пташек.

– Ладно, хватит тут птиц пугать! – крикнул ему Амир, – Отправляйся лучше к своей семье!

– К своей семье?! – изумилась я, – Так это . . .

– Да, конечно. Это отец Бабу, – закончил за меня фразу Амир, – А ты что, не узнала его? Ты же сама звала его на помощь, когда сидела на том карнизе. Вот он и пришел.

Отец Бабу стоял неподвижно, внимательно глядя на нас. Мое сердце переполнилось благодарностью к этому отзывчивому существу.

– Спасибо тебе! Спасибо, что ты нас спас! – крикнула я ему, вытирая со щек слезы, – Я никогда не забуду о твоей помощи! Пусть у тебя и твоей семьи все будет хорошо! Прощай!

Йети потоптался на месте, еще раз посмотрел на поверженного врага, на нас, пробормотал что-то на своем языке и начал, не торопясь, спускаться по дороге, прихрамывая на правую ногу. Там, внизу, его ждала семья: мать и сам Бабу – маленький пушистый комочек. «Снежная» чета кинула на нас последний взгляд и скрылась за поворотом.

«Как жаль, – подумала я, – Я больше никогда не увижу Бабу!»

– Ну, вот и все, – сказал Миша, – Мы можем идти.

– Нет, – отрицательно покачал головой Амир, – Я должен сначала осмотреть йети.

– Зачем тебе это? – удивился Олег.

Амир вздохнул. Ему явно не хотелось объяснять очевидное.

– Ты видел, как они дрались? – сказал он, – Отец Бабу кусал Ракшасу. А Ракшаса зубы в ответ не применял. Тут что-то не так.

Мы подошли к неподвижному телу. Даже такой, мертвый, он был страшен! Как огромная, хранящая в себе неведомую, неуправляемую силу гора. Амир вынул из аптечки пинцет и начал осматривать зубы йети, аккуратно отодвигая его губы.

– Стой! – закричал вдруг Миша, – Смотри! Он еще живой!

Глаза великана дернулись и раскрылись. Я резко, полной грудью, вдохнула воздух, готовая закричать.

– Успокойтесь! – сказал Амир, – Он не убит, а просто парализован. И пробудет без движения еще минут двадцать.

– А потом? – в недоумении воскликнул Олег, – Что будет потом? Новые жертвы?! Его нужно убить!

– Ну, вот, возьми и убей, – невозмутимо ответил Амир, – Возьми нож и перережь ему горло.

Олег посмотрел на Ракшасу, вздохнул, пожал плечами.

– Нет, я не смогу это сделать, – махнул он рукой, – Но оставлять его живым нельзя!

– Тогда, может, кто-нибудь другой его убьет? – обвел нас глазами Амир.

Рамит отрицательно покачал головой. Я тоже.

– Никто из нас не сможет убить незащищенное существо, – подытожил Миша, – Но ведь нужно что-то предпринять, чтобы обезопасить людей от этого людоеда!

– Он не может быть людоедом, – не согласился Амир, – Он вообще мало, что может есть. Посмотрите сюда!

Амир отодвинул нижнюю губу снежного человека.

– Видите, у него в челюсти что-то находится?

Подцепив пинцетом это «что-то», Амир извлек пулю.

– Вот эта пуля и сделала его убийцей. Она застряла между корнями двух его нижних зубов и причиняла ему невероятную боль, особенно во время еды. Избавиться от нее самостоятельно он не мог. Если не будет боли, не будет и агрессии. Йети только в самых редких случаях идут на контакт с людьми. Он уйдет в свое убежище, и его никто никогда не найдет.

Великан шумно выдохнул воздух, словно подтверждая слова человека. Глаза его пристально смотрели на Амира.

Амир положил пулю в карман, предварительно завернув ее в носовой платок. Опять наклонился к оскаленной морде, осмотрел зубы:

– Один шатается. Пуля серьезно задела его корень.

Достал щипцы, ловко подцепил и вынул мощный зуб, обработал рану.

– Вот теперь всё, – сказал он, укладывая инструмент в аптечку, – Теперь можно идти.

– Давайте оставим ему еды, – предложил Рамит, – Все равно после всех этих ненормальных событий завтракать не хочется. Пусть он что-нибудь поест после такой длительной голодовки. Может, пообреет.

Мы вынули из рюкзаков наши скудные запасы и, положив их рядом с неподвижным телом, отошли к воротам монастыря.

Ждать пришлось недолго. «Гора» всколыхнулась и, покачиваясь, села. Тяжело дыша, Ракшаса медленно осмотрелся, словно пытаясь понять, где он, и что с ним произошло. Он кряхтел, посапывал, похрюкивал, затем замирал, как будто прислушиваясь к чему-то, и снова кряхтел, посапывал и похрюкивал.

– Что с ним? – шепотом спросил Олег.

– Наверно, ищет языком пулю и зуб. И никак не может их найти, – усмехаясь, объяснил ему Миша, – Придется Амиру возвращать их на место. Смотри, как животное волнуется!

Амир улыбнулся в ответ.

Ракшаса прекратил кряхтение и посмотрел на нас. Наши взгляды снова встретились. Но теперь мне не хотелось бежать на край земли. В его глазах не осталось и следа от прежней ярости и жажды мести. А только недоумение, словно он пытался и никак не мог сложить кусочки трудной головоломки. Увидев еду, Ракшаса снова замер, рассматривая странные для него угощения. Затем взял кусочек хлеба, понюхал его и начал жевать. Вскоре в его медленно жующей пасти исчезло все: хлеб, московская вяленая колбаса, сыр и яблоки. Огляделся: что бы еще съесть? Но ничего больше не было. Тогда он шумно вздохнул, встал, в последний раз посмотрел на нас и полез вверх в том самом месте, где мы пытались спастись от него на скале. С легкостью, удивительной для такого грузного существа, он достиг вершины и исчез из виду.

– Вот это проворство! – воскликнул Рамит, – А мы думали, что сможем укрыться от него на том карнизе! Наивные дети!

– С такой прытью ему только в цирке выступать, – согласился Олег.

– Ага! Воздушным акробатом, – с иронией закончил его слова Миша, – Или канатоходцем. Представляете, такая туша идет по тонкой-тонкой веревочке!

Мы засмеялись: громко, до слез. Просто стояли и глупо хохотали. И с этим смехом из наших душ испарялось напряжение уходящей ночи.

– Ну, вот, теперь действительно можно идти, – сказал, вытирая слезы, Амир и взялся за тяжелую, покрытую ржавчиной ручку ворот.

– Подожди! – остановил его Миша, – Прежде чем войти в монастырь, я бы хотел спросить тебя. Зачем ты оставил пулю, вынутую из пасти Ракшасы?

– Я думаю, ты понимаешь сам, – ответил Амир, – Человек, всадивший эту пулю в челюсть йети, виноват в мучениях этого животного и в смерти тех людей, чьи тела теперь лежат там, внизу, у ручья. Его нужно найти и предать суду. Это зло не должно остаться безнаказанным. Особенно здесь, в святом месте.

С этими словами он открыл ворота и вошел внутрь. Мы последовали за ним, озадаченные новой проблемой.

Но, оказавшись за высокими стенами монастыря, ступив на серые, пыльные, грубо отесанные плиты песчаника, которыми был вымощен двор, почувствовали, что неожиданно попали в другой, неведомый нам мир. Полчаса назад мы ожесточенно сражались за свое существование, оказавшись в самом эпицентре бушевавших на перевале страстей. Бешеный стук сердца, дикий рев обезумевшего от боли и жажды мести животного, крики атаки и крики о помощи, хлесткие удары плавающих веток и гулкие звуки падающих камней. И вдруг – таинственное, отгороженное от всего мира безмолвие. Но безмолвие это не было немым. Оно говорило! Оно несло в наши души и наши головы информацию, которую мы не могли понять!

Всё здесь, от мощной скалы и величественного храма, возвышавшихся над нашими головами, до последнего мельчайшего камешка под нашими ногами рассказывало свою, уходящую корнями в глубокую древность историю.

«Мы смотрим на море, на горы и не задумываемся о том, что все это существовало тысячелетия, – подумала я, – А в таких местах начинаешь вдруг чувствовать на себе дыхание времени. Начинаешь ощутимо, зримо понимать, сколько поколений людей жило до тебя: все они верили, любили, страдали, боролись. Начинаешь осознавать, что жизнь одного человека – всего лишь миг. Но за этот миг он должен успеть сделать что-то важное, нужное для следующих поколений!»

– Вы вроде говорили, что этому монастырю около двух тысяч лет? – прервал молчание Миша, обратившись к нашим проводникам.

– Да, – подтвердил его слова Рамит, – Хотя сложно что-то сказать определенно, ведь серьезных археологических исследований здесь не проводилось. Вот тут направо и на выступах – хозяйственные постройки монастыря. В них располагались мастерские, больница, школа. Здесь же ночевали перебиравшиеся через перевал путники. Сейчас некоторые из этих зданий находятся в очень плохом состоянии.

Мы заглянули внутрь: завалы камней и мусор, оставленный туристами, были единственной достопримечательностью несчастных полуразрушенных домиков. Но некоторые из них выглядели довольно прилично.

– А вот здесь, на склоне горы, – буддистский храм. Мы можем видеть только внешнюю часть храма – чайтью, святилище. Ведь основная его часть врезана в скалу. И там, глубоко в горном массиве находится вихара, которая была выдолблена примерно во втором веке до нашей эры и являлась, особенно во время сезона дождей, местом встреч и жилищем для отвергших мирскую жизнь монахов, одних из первых последователей буддизма. На месте этой вихары и был постепенно построен монастырь.

– Вихара, я так понимаю, что-то типа монастырского общежития? – уточнил Олег.

– Да, – кивнул ему Рамит, – С молитвенным залом и кельями.

– Это что же, выходит, буддизм проповедовался еще во втором веке до нашей эры? – спросила я, не сумев скрыть своих эмоций и полного незнания истории Индии.

– Буддизм появился в шестом веке до нашей эры в северо-восточной части Индии, – уточнил Рамит, – Однако сюда, на северо-запад Индии он добрался чуть позже.

– В шестом веке до нашей эры?! Невероятно! – удивилась я, – А давайте заглянем сюда. Ненадолго, на несколько минут. Я никогда в жизни не была в настоящем буддистском храме! Я ведь вообще в Индии первый раз.

– Хорошо, пойдете! – согласился Рамит и направился к выщербленным каменным ступеням, ведущим к храму.

Снизу, издалека, от поворота к перевалу лестница казалась довольно узкой. На самом деле по ней одновременно могли подниматься бок о бок несколько человек. Время, жестокие горные ветра и дожди оставили на ней свои безжалостные следы. Но как ни странно, подобно шрамам на суровом благородном лице воина, эти неумолимые отпечатки столетий придавали ей какое-то мистическое очарование, с каждым шагом дарили путнику все большее ощущение сопричастности к величайшим тайнам мироздания, непознанным и непостижимым для человеческого разума. Поднимающееся солнце причудливо освещало сеточку трещин на черном шершавом базальте лестницы и обрамляющего её ступенчатого парапета и пробивающиеся через эти трещины небольшие веточки полыни. Терпкий запах полыни был едва уловим среди тяжелого дыхания пыльных, влажных от ночной свежести камней.

«Боже мой! – подумала я, – Эти ступени – ровесницы Христа! И я поднимаюсь по ним!»

Чувство, похожее на благоговейный страх, опустилось в мою душу. Насколько чиста и безгрешна моя душа, чтобы вот так, спокойно, восходить к святыне?!

Подняв нас на высоту тридцать – сорок метров, лестница резко сворачивала вправо, затем снова вверх и еще через несколько метров упиралась в огромную стену. В основании стены находилась высокая, потемневшая от времени дверь. Амир открыл её, и мы оказались в довольно большом полутемном помещении. Широкие сужающиеся к верху окна, закрытые грубо сколоченными ставнями, неохотно пропускали сюда свет. Но отдохнувшее за ночь солнце энергично пыталось пробиться внутрь, с детским упрямством проникало через щели между рассохшимися полусгнившими досками и с ленивой негой полосами ложилось на темный, выложенный узорчатой плиткой пол святилища, на загадочные рисунки каких-то мифических существ на стенах, на массивные резные колонны.

– А что там? – спросил Миша, показав рукой на дверь, находившуюся на противоположной от окон стене.

– Это вход в подземный, молитвенный зал чайтьи, – объяснил Рамит, – Хотите посмотреть?

– Конечно! – чуть ли не хором воскликнули мы.

Подземный зал святилища оказался неожиданно огромным и освещался светом из длинных узких прорезей, заменявших окна «верхнему» кубику, как мысленно объяснила я себе.

– Удивительно! – воскликнул Олег, – Мне казалось, что храм не очень большой.

– Да, – подтвердил его слова Амир, – Со стороны он действительно выглядит не таким уж крупным. Мы видели только его внешнюю часть. А ведь основная часть чайтьи вырублена в скале, на месте нескольких старых пещер.

– Сколько же труда было вложено сюда! – с уважением сказал Миша, разглядывая изящные колонны, поддерживающие высокий свод, и стоявший у закругленной стены напротив входа огромный алтарь, – И все это было сделано примитивными орудиями труда! Немыслимо!

– А в кельи монахов можно зайти? Ведь какие-то из них, надеюсь, сохранились? – спросил Олег.

– Идемте! – улыбнулся Рамит, достал карманный фонарик и направился к небольшой неприметной двери.

Некоторое время мы шли по довольно широкому извилистому коридору с грубо высеченными арками и колоннами, затем осторожно, освещая дорогу фонариками, стали спускаться по ступенькам вниз, до нижнего уровня, на котором мы и обнаружили кельи. Долго, почти в полном молчании, бродили мы по этим таинственным помещениям, прислушиваясь лишь к своим ощущениям и к коротким, но очень интересным комментариям Амира и Рамита. Удивительно, но нигде не было плесени и влажной затхлости. Только чистый, сухой, холодный воздух. Во многих кельях на стенах остались фрагменты росписей. В некоторых, особенно в тех, где, по словам Рамита, жили самые просветленные монахи, стояли колонны. Повсюду на стенах были видны надписи. Мы заинтересовались ими. Но Амиру и Рамиту не был известен древний язык, на котором они были сделаны.

Кромешный мрак окутал своим непроницаемым покрывалом все кельи, но не властвовал над духом этих святых мест. Мне, с детства панически боящейся темноты, не было страшно здесь, в глубоком подземелье. Каждая келья имела свою особую энергетику. То сильную, строгую, проникающую в глубины твоего сознания и очищающую его от сомнений и темных мыслей. То мягкую, нежную, согревающую и успокаивающую душу. Из таких келий не хотелось уходить. Их энергия окрыляла, придавала силы, наполняла оптимизмом и верой в человека и человечество.

* * * * *

Задумчивые и одухотворенные вышли мы с противоположной стороны монастыря. Закрыли тяжелые скрипучие ворота. Осмотрелись. Дорога, на которой мы стояли, петляя, уходила вниз, в долину, в дальнем конце которой виднелись палатки.

– А вот и наш лагерь! – сказал Миша, – Еще несколько часов ходьбы, и мы будем на месте. Рамит, Амир! Как хорошо, что вы не бросили нас и пошли с нами через перевал. Без вас мы бы здесь пропали!

– Да, – подтвердил Олег, – Вы – отличные ребята! И знаете, чем больше мы с вами общаемся, тем меньше вы мне напоминаете простых полуграмотных парней из какой-нибудь глухой гималайской деревушки.

– Не хотел бы я жить здесь и коротко стричь себе волосы, как местные жители, или брить себе голову, как это делают монахи, – засмеялся Рамит, – Мне нравятся мои длинные волосы. Нет, на самом деле мы с Амиром – городские люди. Родились и выросли в Дели, в одном доме. Сейчас учимся в институтах. Я – будущий кинооператор, ваш коллега. А Амир скоро станет военным хирургом. Вы же, наверняка, заметили его страсть к ковырянию в чужих ранах!

– Да, это мы заметили! – подтвердила я, – Амир, я просто восхищаюсь твоим мастерством! Ребята, а как вы оказались здесь, в Гималаях? И почему нам сказали, что вы из этих мест?

– Все очень просто, – ответил Рамит, – Мои дядя и тетя вот уже несколько лет ведут археологические раскопки недалеко отсюда. Сначала мы изредка приезжали к ним побродить по горам. А потом стали подрабатывать проводниками. За лето набирается приличная сумма. Хватает на оплату обучения на следующий год. Да и работа интересная. Мы любим горы и историю этого края.

– А помнишь? – спросил Миша, – Ты говорил, что если мы пойдем через перевал, наша легенда будет с ужасным концом?

– Да, – улыбнулся Рамит, – Хорошо, что все обошлось!

– Ребята! – включился в разговор Олег, – А эту легенду вы, надеюсь, тоже будете рассказывать? Представляете, мы станем героями одной из легенд Гималаев, легенды Святого перевала!

– Непременно! – засмеялся Амир, – И приукрасим ее немножко. Чтобы было страшнее и интереснее.

– И про семейство Бабу вы будете рассказывать? – испугалась я.

Все замолчали...

– Нет, конечно, нет, – сказал, наконец, Рамит, – Иначе их найдут, убьют и в виде чучел отправят в какой-нибудь музей.

– Никто из нас никогда и нигде ни слова не должен упоминать об этих йети, – предложил Олег.

– Конечно! – согласились мы, мысленно вернувшись в только что пережитые события.

В утренней тишине слышалось лишь журчание речушки на дне ущелья и переливы птичьих песен. Где-то там, внизу, мирно спал на руках у своей мамы малыш – йети, наш Бабу!

– Что же тогда останется от легенды? – прервал торжественность момента Миша, – Мы только обрадовались, что про нас здесь будут рассказывать! И что? Всё? Рассказывать нечего!

– А зачем нам нужны какие-то грязные невежественные йети? Бери выше! – предложил ему Олег, – В этом месте произошел разлом времени. И нам пришлось сражаться с духами прошлого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.